

НОВЫЙ ВАВНОН

Игорь Мист

Игорь Мист

Новый Вавилон

«Автор»

2013

Мист И.

Новый Вавилон / И. Мист — «Автор», 2013

...Крах идеи мультикультурности заставил человечество принять решение о Великом Разделении Народов. Отныне в любом государстве должен проживать только один народ, а любые межнациональные контакты запрещены под угрозой смерти. Людей чужой национальности или смешанной называют Гибридами. Осталось только одно место на земле, где разрешается жить всем, независимо от крови – вольный город Кадингир – Врата Богов, вассал таинственного Нового Вавилона, плавучего острова-государства с сатанинской религией. Он построен в океане американским миллиардером для нуворишей... Спасти свою страну или уйти с поля боя? Решают президент и новые дворяне, простой студент и его первая любовь. Судьба ведет главного героя в чужие страны, наполненные Гибридами...

© Мист И., 2013

© Автор, 2013

Содержание

204... г. Алексей. Исход	7
1. Полина. Москва. Видехом Свет Истинный	8
2. Отец и Сын. Москва	12
3. Афанасий. Москва	14
4. Данилин. Москва	16
5. Веда. Над океаном	19
6. Филарет. Под Землей	23
7. Бал. Нга	25
8. Аввакум. Москва	28
9. Алексей. Дорога. Свыше Пророцы	31
10. Вольный. Москва	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Игорь Мист

Новый Вавилон

Выдержки из заключительного обращения генеральной ассамблеи ООН:

Нью Йорк. 18 апреля 202... г.

Уважаемые граждане Мира!

Последние трагические конфликты, в том числе и ядерные, на межнациональной и межрелигиозной почве в Европе, Америке, Азии и Африке вынудили страны-члены ООН собраться на **Экстренное Заседание Совета безопасности** <...>

Крах идеи мультикультурности привел к тому, что страны окончательно встали на путь самоуничтожения и ситуация обостряется с каждым годом. Усилия международных институтов не помогают предотвратить грядущую катастрофу <...>

В результате долгих споров и обсуждений на **Заседании** был принят следующий документ:

«Постановление ООН о порядке Разделения государств по Национальному признаку».

Выдержки из **Постановления**:

«Единственно возможный выход для всех этносов избежать взаимного уничтожения из-за этнических разногласий, национального терроризма и насилия».

«Это постановление выражает позиции большинства стран, членов ООН, где уже вырабатываются собственные законы о национальном развитии».

«Мы уверены, что Разделение будет способствовать всемирной остановке насилия и войн, всеобщему процветанию, развитию национальных и самобытных культур».

«Мы принимаем тяжелое решение, но оно необходимо для сохранения мира и стабильности в сегодняшних условиях».

«Просим население всех стран соблюдать спокойствие. ООН выделит необходимые средства для переселения народов, обеспечения безопасности и условий их проживания».

«Правительства, посредством информационных программ, обязуются разъяснить суть Разделения и поддержать своих граждан».

В приложении к **Постановлению** приводятся единые **«Принципы Разделения»**, которые являются обязательными для исполнения всеми странами-членами ООН.

— чтобы было впечатление

Приложение:

Выдержки из **«Принципов Разделения»**:

В государстве остаются только жители коренной национальности. Все остальные граждане должны в кратчайшие сроки покинуть страну и поселиться в стране своей национальности. Смешанные семьи могут сделать выбор по своему усмотрению, но человек некоренной нации должен принять национальность и религию страны проживания. Несогласные безоговорочно высылаются <...>

Многонациональные государства решают самостоятельно вопросы внутреннего разделения, обеспечивая **отдельное проживание национальных общин** и не допуская их этнического смешивания, вплоть до введения внутренних границ <...>

Государства обязаны обеспечить **переселение народов в течение двух лет**, выделяя для этого необходимые средства и обеспечивая переселенцев транспортом. По истечении этого срока страну будет покидать запрещено <...>

Границы всех государств **закрываются**, и **контакты** между людьми разных национальностей отныне будут **запрещены**.

Международным сообществом принято решение создать колонию-поселение для людей, не определившихся с национальностью и согласных жить с представителями других национальностей, не нашедших свое место в новом мире. Такое поселение будет построено в **Антарктиде** на средства ООН.

Выписка из заключительного протокола:

Правительства всех стран извещены о принятых ООН решениях и обязались в указанные сроки точно исполнить все пункты постановления о Разделении.

204... г. Алексей. Исход

Алексий Дронов перекрестился, закрыл лицо тонкой маской, и кожу приятно захладила чужая розоватая плоть, снять которую разрешалось только после пересечения границы. Затем Алексей выехал на восьмиполосную трассу Москва – Петроград, обновленную два года назад силами губернатора Северо-Запада князя Воскресенского (тогда новый аристократ еще стремился показать лояльность президенту). На незаметный автомобиль Дронова с провинциальными номерами не обратят внимания чужие спутники – обычный приезжий спешит из столицы домой.

Оживленное шоссе заставляло сосредоточиться, но, следуя необходимой многолетней привычке, Алексей решил узнать о местности; подключился к Сети через личный коммуникатор – корпусулу, выбрал картинку, и виртуальный рассказчик ворвался в салон бодрим, молодым голосом. Дронов любил сетевую жвачку.

Вот и облезлый бетонный забор, за ним прятался город Вера. Ведущий связал название с именем и легендой об утонувшей девушке, а в девятнадцатом веке здесь бились с французами.

Дронов знал, что за год до Разделения неподалеку подняли бунт иммигранты и двинулись на Москву. Властям пришлось жестоко подавить выступление ядами, а город так и не смогли очистить и просто обнесли забором брошенные кварталы и на скорую руку поставленные бараки. Строить их впредь запрещали, но люди, самые бедные и убогие, все равно селились на зараженной земле.

Солнце подошло к зениту, салон автомобиля накалился, и Алексей попытался включить кондиционер, но тот, натужно зарывав, не захотел работать.

Следующим городом была Твердь. Рассказчик, посвятив слушателя в историю основания, не стал упоминать крупнейший лагерь для Гибридов, основанный через два года после Разделения.

Мальчишкой – школьником Алексей видел недалеко от родного города подобное жуткое место, куда загоняли Гибридов, не успевших уехать. С молчаливого согласия взрослых он с друзьями бегал и забрасывал людей, обезумевших от страха за колючей проволокой в открытом поле, камнями. Ребята постарше тренировались ночью в стрельбе по живым мишеням из оружия. Он помнил и облавы на несчастных, сбежавших из лагеря. К поимке Гибридов власти активно привлекали местное население, пребывающее в эйфории от обилия свободных квартир. Их семье предоставили несколько на выбор, а новый сосед, мрачный алкоголик, громко хвастался после ночных дежурств, сколько Гибридов подстрелил.

Ведущий продолжал неторопливо вещать в привязке к местности и подсказывать водителю дорогу.

Незаметно показался Торгов, упомянутый впервые в летописи двенадцатого века, а после Разделения город прославился тем, что первым сообщил о полной очистке от Гибридов.

Именно здесь Дронову по плану надлежало остановиться на несколько дней и ждать приказа из Москвы продолжить миссию. Он выбрал для постоя древнейший на торговой земле мужской монастырь. Точная дата основания обители голосу из Сети была неизвестна. Алексей хотел, чтобы в тишине старинных монастырских стен ничто не мешало молиться и готовить душу и тело к новой миссии.

Настоятель, отец Филофей, заранее извещенный о приезде страждущего, поселил Дронова в аскетичной монашеской келье, где висели иконы, да на почерневших от времени досках пола стояла только деревянная скамья, служившая одновременно кроватью, и комод под маленьким сводчатым оконцем.

Алексий вдруг вспомнил, глядя через него на залитый солнцем монастырский двор, как всего несколько дней назад любовался летним пейзажем столицы...

1. Полина. Москва. Видехом Свет Истинный

Алексий любовался летним пейзажем столицы с возведенных недавно Православных Холмов на Юго-Западе Москвы.

После Великого Разделения Народов прошло почти двадцать лет. Сильно сдавший за последнее время Президент, понимая, что править осталось недолго, задумал воздвигнуть город, который стал бы величайшим. Доходы казны позволяли, и по всей столице раскинулись островки новейшего зодчества.

Дронов спустился по широкой лестнице на праздничную улицу, украшенную национальными флагами. Он с удовольствием смотрел на девушек в роскошных длинных праздничных платьях и цветных платках. С тех пор, как иностранную одежду запретили, мода сильно поменялась и превратилась в необычную смесь городского костюма с народным.

Алексий вместе с толпой влился на площадь, где народ благочестиво встречал нарядного, нарумяненного Патриарха в открытом белом автомобиле, окруженного послушниками в церковных одеждах. Сегодня он собирался выступать перед прихожанами в разных местах Москвы.

Отовсюду доносилась духовная музыка, глубоко религиозный Дронов любил слушать такую через корпускул. Ровно в два она стихла, раздался звон колоколов, и народ устремился внутрь Храма Возрождения, крестясь на золотые главы в лучах солнца.

Алексий внимательно вглядывался в толпу и наконец разглядел Полину, тоже в цветном, очень ярком платке. Он замахал ей рукой – все личные корпускулы из соображений безопасности отключались до самого Кремля – и стал пробираться сквозь праздничные ряды. Протиснувшись, он оказался впервые так близко к ее лицу и, смутившись, неловко взял под руку. Вместе со всеми молодые люди стали подниматься по ступенькам в храм.

Патриарх уже читал внутри обращение к верующим объединиться в борьбе против сект и язычников. Власти тоже боролись с ними и помогали Церкви деньгами и совместными проектами, такими как Храм Возрождения, законченный недавно.

Первоначально его планировали строить по проекту известного архитектора Неренцева, победителя конкурса Патриархии, но неожиданно вскрылось, что он азиат по отцу. Тогда привлекли архитектора Павлова, сам министр «крови» следил за проверкой его родословной и генома.

Дронов и Полина встали недалеко от Патриарха, возле главного иконостаса в форме золотой часовни.

– Никогда так близко его не видела.

Алексий крепко держал ее маленькую руку и почти не слышал проповеди, поглощенный мыслями о девушке. Когда снова запел хор, молодые люди вышли на бульвар Святой Ольги, запруженный веселящимся народом. Они решили посидеть в небольшом сквере и послушать колокольный звон, наполняющий город в честь праздника.

Дронов познакомился с Полиной недавно на отмечании годовщины сетевого духовно – религиозного издания «Братие», достаточно модного и известного. Он сразу заметил симпатичную, стройную молодую особу с двумя длинными косами. Потом он с Полиной пил сок – в духовном издании и не могло быть напитков крепче, – мило и весело беседея.

Полина была женщина музыкальная и работала в редакции духовной музыки, но денег не хватало, и вечерами она пела в ресторане. Одинокая, привлекательная, воспитывающая, как выяснил позже Алексий, маленького сына.

Дронов не случайно тогда оказался на празднике. Он недавно вернулся из сложной поездки на Урал – там действовала умелая группа мятежников, и продолжить операцию неожиданно пришлось в Москве. Его начальник, – господин Вольный, – дал задание выяснить, откуда

уральскими заговорщиками управляли и на чьи средства. Подозревали некую сетевую студию в столице, поэтому решили проверить все, и Алексею досталось «Братие».

На торжестве присутствовало много публичных людей – писателей, музыкантов и художников, а вели вечер популярная ведущая Екатерина Сарафан и ее постоянный партнер, философ и писатель Фома Благозвучный, который общался и проводил свои семинары исключительно на старославянском языке.

Девушка, ранее выходившая в сеть с передачами легкого, развлекательного содержания, чем – то нравилась Алексею. Под влиянием Благозвучного она радикально поменяла внешность и, теперь перед зрителями появлялась с длинными русыми косами, непременно в национальных костюмах и тоже рассыпалась фразами на старославянском.

Эту моду задала богемная молодежь, а новые аристократы тут же подхватили. Дронов с удивлением обнаружил – почти все приглашенные неплохо понимают или делают вид, что понимают, старинный, торжественно звучащий язык, входивший в моду, как когда – то французский, и охотно используют его. К сожалению, Алексей не проникся настолько быстро новыми веяниями, поэтому не понимал и половины из речи ведущих, и Полине приходилось шепотом переводить.

В середине вечера разгорелась дискуссия о Новом Вавилоне, искусственном плавучем острове – государстве, построенном в океане американским миллиардером сразу после Разделения, и месте Нового Вавилона в сегодняшнем мире. Благозвучный фанатично отстаивал величие закрытого города, а ему с достоинством оппонировал известный питерский ученый Тимофей Кунин.

– Но, уважаемый господин Кунин, что мы знаем о жителях Нового Вавилона – что они делают на своем острове, как живут, как выглядят? – спрашивал Благозвучный. – То же происходит с новопостроенным Китежем на Урале – нам ничего о нем не известно. После Разделения прошло почти двадцать лет, но все, что мы знаем – это то, что вавилонцы начали застраивать остров, затем купили землю у властей Южной Африки и построили город Кадингир, но почему-то не живут в нем, а дрейфуют где-то между южной оконечностью Африки и Антарктидой. Кадингир сегодня единственное место на земле, где происходят сделки и международные встречи. Под контролем, кстати, тех же вавилонцев, которые на этом неплохо зарабатывают. Пока их влияние на земную жизнь я бы оценил положительно...

Кунин спорил с ним яростно:

– Вавилон – религия антихриста, ибо сказано в Апокалипсисе: «И ин ангел вслед иде, глаголя: паде, паде Вавилон град великий, зане от вина ярости любодения своего напои вся языки...»

Полина стала шепотом пересказывать Алексею смысл древних текстов, а Кунин дополнил их своими соображениями.

– Вавилонцы противятся истинной вере, связались с язычниками и сражаются против Церкви и креста! Когда Господь закончил дела, то поставил храм и скрепил печатью. Так и сатана достроит Новый Вавилон и начнет восстание сил тьмы против нас и Бога. Творец разгневался на древний Вавилон, и град пал, но бесы возрождают новый. В Откровении Иоанна Богослова предсказывается, что власти выступят против Вавилона и уничтожат его. Лживая религия его – распутная женщина, а пороки сгинувшего царства восхваляли жрецы древних богов, ведуньи и волхвы...

Ученый все еще спорил с Фомой, но молодые люди не стали ждать окончания. Алексей пригласил Полину подышать свежим воздухом, и на улице они продолжили приятное общение.

Полина тогда поразила его какой – то особенной, нестоличной красотой. Дронов удивился, почему ничего не последовало: когда он связался с нею на следующий день, чтобы пригласить на свидание, молодая женщина вежливо, но твердо отказала, хотя вечер накануне

закончился прекрасно. Алексей галантно проводил ее домой и теперь не понимал каприза Полины.

Он напомнил о себе через неделю – и опять с тем же результатом. Но даже после второго отказа Дронов не решился обсудить личную неудачу на совещании или просить совета у коллег. Ему очень понравилась русоволосая Полина.

На том совещании присутствовало немало специалистов, в том числе его начальник, господин Вольный. Сотрудники делились соображениями и докладывали об эпизодах, вызвавших подозрения. Выслушали и Дронова, но он сказал, что ничего особенного не обнаружил, и просил закрепить за ним станцию «Братие» на некоторое время – может, еще найдет, что – то интересное.

Прошло несколько дней, прежде чем он решился снова побеспокоить Полину. На этот раз она сразу согласилась встретиться, и Алексей пригласил девушку на оперу «Житие Владимира Крестителя». Вечер тогда удался. Оба с удовольствием смотрели постановку, а в антракте в театральном дворике пили чай, обсуждая голоса певцов ...

После торжественной службы в Храме Возрождения, здесь, в сквере, рядом с красавицей Полиной, Алексей в очередной раз задумался о своей личной жизни. Он одинокий и уже не очень молодой, а она... холодна и сдержанна, но это можно объяснить краткостью их знакомства.

Он вдруг заметил, что Полина порывается что – то сказать, но не решается. Наконец, она осторожно прикоснулась к его руке и прошептала:

– Алексей, я хочу передать привет от одного человека. Твоего старого знакомого.

– Начало интригующее, только почему ты, так тихо говоришь?

– Тебе прислал поклон, Илия Портретный.

Алексей вздрогнул от неожиданности.

– Что?! Илия жив, где он?! – Дронов много лет не видел приятеля по университету.

– Он сейчас... в Китеже.

– На Урале? Но туда никого не пускают! Город блокирован и закрыт от внешнего мира, как Новый Вавилон. Откуда ты можешь знать про него?

– Да, он там. – Полина кивнула. – Илия связался со мной и попросил напомнить о вашей былой дружбе, узнав, что мы знакомы, и..., у него есть просьба. Он надеется, что ты выполнишь ее, а я... почему – то верю, что тебе можно полностью доверять.

– Пока не очень понимаю. Что же тебя убедило? – Дронов почувствовал себя уязвленным и вспомнил, как много лет назад Илия спас ему жизнь во время студенческого похода в Уральские горы. Он успел вовремя оттолкнуть Алексея от сорвавшихся вниз валунов. Тогда от внезапного камнепада погибло двое их сокурсников, Дронову переломало ногу, и Илия до позднего вечера тащил на себе раненого товарища в лагерь у подножия горы.

– Илия знает, в каком ты ведомстве. Но имей в виду, Китеж, население которого достигло миллиона человек, готов стать центром возрождения гибнущего государства, а может, и чем – то большим...

Алексей был поражен тем, насколько изменился нежный голос Полины.

– Ты все это время знала, кто я такой?..

– Не важно. Китеж призывает отменить постановления ООН и вернуться к тому, что было до Разделения – потому что оно привело к всеобщей катастрофе. Страна скоро окончательно развалится и, если идолопоклонникам удастся победить, скатится назад на тысячу лет. – Глаза Полины внимательно следили за выражением лица собеседника. – Китеж следит за ситуацией в мире, везде одно и то же: дробление наций, запрет на обмен знаниями, расцвет диктатур и изоляция. Агенты Нового Вавилона принялись воплощать в жизнь некие планы, пока непонятные, чтобы подчинить своей власти...

Девушка почувствовала, что Алексею не по душе неожиданный монолог, но, продолжила:

– Илия хотел узнать: если им понадобится помощь в Москве, можно ли на тебя рассчитывать?

Дронов оцепенел, услышав это, понял ее и не знал, что ответить. Все переворачивалось, а, главное, что Полина...

– Насчет просьбы,... очень просил не спешить... по Уральскому вопросу.

Взгляд Алексея застыл еще больше, и Полина отвела глаза в сторону.

– Не смотри на меня так.

– Мне надо подумать. Ты очень рискуешь – не боишься, что я расскажу...

Но девушка перебила его:

– Нет. Илия сказал, что если я приду от него – со мной ничего не случится. Мои родители погибли в лагере для Гибридов в Сибири, а он выкупил и вытащил оттуда меня и еще нескольких человек, только благодаря Илие – я жива.

– Так ты – Гибрид?! – Алексей закричал, не сдержавшись, и вскочил со скамейки. Он был воспитан на твердом убеждении: в стране могут жить только чистокровные представители расы, а остальные – это спрятавшиеся, неполноценные враги и потому подлежат уничтожению или высылке в лагерь для Гибридов.

На них стали оборачиваться прохожие в сквере, и Полина взволнованно дотронулась до его руки. Силой воли он заставил себя успокоиться.

– Сядь, прошу тебя! Я такой же человек, как и ты. – Полина горько усмехнулась – Из лагеря выкупили самых талантливых и готовили специально для работы агентами Китежа. Я – стерильна и не могу принести вред нации, а на русые волосы не смотри – они просто покрашены.

– А... твой ребенок? – Дронов пытался побороть нахлынувшие эмоции.

– Тоже из лагеря. Он только прикрытие и новый, обучающийся агент.

Алексей не мог больше продолжать мучительный для него диалог с девушкой, уже занявшей место в его сердце. Он попрощался, стараясь не смотреть на Полину. Надо было все обдумать, но он понимал одно – они никогда больше не встретятся.

2. Отец и Сын. Москва

Сергий Архипович Вольный, – высокий светловолосый мужчина средних лет, только что вернулся в свой кабинет, в здании на площади Святого Георгия. Он отметил, глядя на свое отражение в старинном зеркале, что висело справа от икон, как за неделю неплохо отросла борода, подернутая легкой сединой. После того, как президент отпустил пышную бороду, чиновный люд Москвы и губерний принял это за знак правильного направления. Теперь ходить без нее, даже руководителю среднего уровня, считалось непозволительным, и с вольнодумцами, нарушающими не писанные правила, расправлялись просто – для начала пытались наставить на путь истинный, а если не удавалось, то прощались навсегда.

Еще пошла мода заменять имена более благозвучными. Вот и Вольный не так давно стал называть себя Сергием и еще не успел привыкнуть к новому звучанию имени.

На столе перед ним лежал учебник старославянского. В свободную минуту хозяин кабинета пытался, как и все, учить древние слова, но не мог сосредоточиться на буквах – мешали мысли о сыне, Афанасии.

Месяц назад Вольный повздорил с сыном, студентом закрытого Технического славянского университета, лучшего в стране, где учились только дети высших руководителей, чиновников и новых аристократов. Афанасий просил помочь устроить ему поездку на юг Африки, в Кадингир. Дело в том, что богатые, влиятельные люди страны, невзирая на строжайшие запреты, регулярно совершали туда полеты и, мало того, некоторые владели там недвижимостью. У самых состоятельных семейств и крупных чиновников имелись беспилотные самолеты, невидимые простыми радарными. Достаточно было указать автопилоту место приземления, и он доставит тебя куда угодно, а единственным доступным местом оставался Кадингир.

Вольный, занимающий один из важных постов в системе государственной безопасности, категорически возражал против полета сына в город, представлявший главную угрозу для стран Разделения. Он прекрасно понимал и поддерживал его стремление находиться в компании, утопающих в роскоши, отпрысков самых богатых семейств. Но всему, по мнению Вольного, должен быть предел. Слухи о замках, праздниках и охотничьих угодьях, посещаемых богатыми согражданами в Африке, несмотря на запретные меры, упорно просачивались в Сеть.

Афанасий вчера снова приехал к отцу в его загородный дом. Он рассказал про успехи в университете и, воспользовавшись хорошим настроением отца, снова принялся умолять, чтобы тот разрешил ему слетать в Африку.

– Я уже говорил, что я против! Посещение других стран запрещено, это, наконец, опасно для твоей жизни.

– На следующей неделе в Кадингире будут отмечать день рождения молодой княжны Павловой – Ногинской. Она невеста князя и наследника престола Андрея Николаевича Романова, и он лично пригласил меня на торжество, папа!

– Вот, как?! Он летит со всей свитой, конечно?

Афанасий в подтверждение кивнул, с надеждой глядя на отца.

– Да, будет полно молодежи – и Роснецкие, и Автуховы, и Горневы, и...

Вольный, защищаясь, поднял руку.

– Хватит, хватит, я понимаю, почему ты так настойчиво стремишься туда. Только учти – они все отпрыски богатейших семей, которые...

– Ну и что?! Зато я – постоянный партнер князя по теннису. Если окажусь на празднике, то попаду в их круг, – Афанасий поднял руку над головой, показывая отцу, как вырастает на глазах, – а князь Андрей успокоил, что лично утвердит у президента весь список гостей и разрешения на выезд.

Вольный в глубине души понимал – сын прав. Чем он хуже молодых лоботрясов, праздно проводящих время в бесконечных пирушках и развлечениях? Знакомство с новыми аристократами в будущем могло принести Вольному – младшему пользу.

Афанасий видел колебания отца, но терпеливо ожидал решения.

– Хорошо, – Вольный с удовольствием отметил, как обрадовался сын, – на этот раз сделаю исключение ради твоего будущего, но учти...

– Все что угодно!

– Выполнишь одно мое желание. Когда придет время, я его скажу. Договорились?

Афанасий кивнул, перекрестился на иконы и бросился на шею к отцу.

Он предвкушал волнения первого полета в запретную страну, предмет тайных восторгов университетских друзей – некоторые бывали в Африке, и не один раз. Жаль, что нельзя было поделиться радостью в Сети, обстановка в стране и так накалена, и даже упоминание далекого края вольнодумцев могли приравнять к измене. Ничего, как других выручают отцы, так и его прикроют – Афанасий, несмотря на молодость, был прекрасно осведомлен, что знатных и богатых запреты не касаются.

Сейчас, в своем кабинете, Вольный вспоминал вчерашний разговор. Правильно ли он сделал, позволив сыну лететь? Даже если его начальник, генерал Филарет, узнает, лучшим оправданием будет имя князя Романова и достойнейших людей, приглашенных на торжество, но странная тревога не давала сосредоточиться.

Должность приносила достаточно денег и ставила его высоко над обычными людьми. Не к этому ли он стремился? Но который год Вольного лихорадило от сомнений в правильности выбранного пути. Вот и сына интуитивно хотелось оградить от происходящего в стране. Отправить бы, как раньше, за границу учиться, подальше от окружающей мерзости, – думал Вольный, – только куда? Везде одно и то же: даже Великобритания – во все времена бывшая надеждой для беглых сограждан – медленно, но верно идет ко дну, раскалываясь на графства и города – государства. В свое время, Вольный тайно нанял учителя английского, и теперь Афанасий прекрасно владел иностранным языком. Может, и пригодится еще, как знать?

Он вызвал секретаря с последними сводками по группе Городничего. Ненужные мысли следовало прогнать, а голову заставить работать – труд всегда отвлекает.

3. Афанасий. Москва

Афанасий томился долгим ожиданием свидания со своей девушкой Ведой. Он полчаса простоял с цветами напротив входа в выставочный зал «Вечный Сад» на юге Москвы, торжественно открытый недавно.

Молодые люди познакомились в конце прошлого года на традиционном балу в университете Афанасия. Веда училась архитектуре и одновременно, как всякая молодая девушка, думающая о будущем, занималась народными танцами, неплохо пела и играла на фортепьяно.

Сегодня открывалась выставка картин современных художников – народников на религиозные темы. Тема религии не очень интересовала юного студента Технического университета, но могли появиться друзья – однокурсники, и поговаривали о приезде самого князя Андрея Николаевича Романова.

Афанасия куда больше занимала Веда, – как она будет выглядеть, а затем удивляться великому событию – отец дал согласие на поездку в Кадингир. Он давно решил, если это произойдет, непременно взять с собой девушку. Вольный – старший, естественно, не должен об этом знать, иначе быстро отменит разрешение, добытое с таким трудом. Молодой человек не сомневался, что получит, ее согласие – какая, молодая девушка, сможет устоять перед романтическими соблазнами, тем более, выросшая в провинции?

Веда приехала учиться из далекого сибирского города и снимала с двумя приезжими студентками небольшую квартиру в Москве. Афанасий несколько раз удостоивался чести побывать в ней, когда соседок не было дома, и вспоминал проведенные вместе, дни и ночи с удовольствием. Он не скрывал связи с простой провинциальной девушкой, хотя знал про большие надежды отца на его будущее и воспользовался этим в случае с Африкой.

Отец проверил Веду по своим каналам, не нашел ничего подозрительного и решил не препятствовать, но настойчиво просил не превращать чувства к ней, во что – то большее. Афанасий, как всякий молодой человек, естественно, был готов клясться и божиться чем угодно, лишь бы им не мешали.

Они встретились на мраморных ступеньках выставочного зала, сразу заметив друг друга среди нарядных посетителей.

– Привет, прекрасно выглядишь! – Афанасий поцеловал Веду и вручил маленький букетик полевых цветов, купленный по дороге.

– Спасибо. – Девушка радостно и мило улыбалась. – Здесь будут студенты с нашего курса. Мы договорились встретиться часа в четыре, посидеть где-нибудь и обменяться впечатлениями.

Афанасию не очень понравилась такая идея. Сегодня у него дома допоздна никого не будет, и он хотел после выставки поехать туда с Ведой, побыть наедине, а потом «рассказать про полет в Африку». Он представлял, как она станет прыгать от восторга.

– Зачем ты нахмурился? Посмотри на право – видишь, ледяные скульптуры, летом, и какие большие! – Веда с удивлением и восторгом разглядывала их. – Почему они не тают?

Действительно, наверху возле входа стояли три внушительные ледяные скульптуры всадников.

Выставка выдалась скучной, а друзья Веды, напротив, показались Афанасию интересными и любознательными, хоть и были из простого сословия. Они громко обсуждали экспонаты, шутили и смеялись. Афанасий представил удивленные лица, если бы он объявил, куда собирается пригласить их сокурсницу.

Ехать к нему, к сожалению, было поздно, и после выставки, он подвез девушку домой. Судя по свету в окнах, соседки сидели дома. Афанасия переполняли эмоции: полет вдвоем

над океаном через половину земного шара, запретная страна, экзотическая саванна, праздник у князя! Наконец, он не выдержал.

– Веда... приглашаю тебя... в... Африку! Отец разрешил лететь, вернее, я выпросил разрешение. В Кадингире на днях отмечается день рождения молодой княгини Павловой– Ногинской. Она, всем известно, невеста князя Андрея Романова – наследника императорского дома.

– Не смешно. Ты же не говорил отцу про меня? – Девушка погрузнела.

– Нет, конечно, я и так его долго уговаривал, а если бы он узнал, что я хочу тебя взять... то отменил бы разрешение. Поэтому, ты полетишь тайно, понимаешь? – Афанасий понизил голос. – Если кто – то пронюхает, могут не пожалеть...

– Тогда я, не поеду. – Девушка недоверчиво посмотрела на него.

– Отец, конечно, прикроет мой полет, и вообще – организует все молодой князь Романов. Я просто внесу твое имя в список гостей и отдам князю для получения разрешения у самого президента. Зато в Кадингире выберем тебе самую модную одежду – такой в Москве не продается. Я слышал, в центре города сплошные магазины – покажешь подругам, и они лопнут от зависти, а ты попадешь во все сетевые журналы, вместо красавицы Екатерины Сарафан!

– А-а-а! Ты меня разыгрываешь. В Москве нельзя будет появиться в иностранной одежде – запрещено. Забыл?

– Все! Мы с тобой летим через несколько дней. В Южном полушарии сейчас зима, похожая на наше лето. Никому ничего не говори. Соседкам по квартире объясни, что едешь... в Питер, например. На несколько дней.

– Заставляешь меня врать подругам? А, если они узнают?

– Да как узнают? Только, если проговоришься! Ну, что я тебя уговариваю...

Ему вскоре надоело пререкаться, он неожиданно обнял ее и поцеловал. Афанасий не сомневался, Веда понимает, что не воспользоваться счастливым случаем – непростительная глупость.

4. Данилин. Москва

Господин Данилин был высоким, худым пятидесятилетним мужчиной с пышной шевелюрой и большой, расчесанной по особому, модному стилю бородой. Его карие глаза, когда он говорил с женой, становились добрыми и ласковыми, с дочерьми и подчиненными – стальными и строгими, а с начальством – стеклянными и бессмысленными, как у полосатых рыбок в большом домашнем аквариуме. Такое впечатление усиливали и вытянутые чуть вперед, выразительные губы.

Мудреной грамоте научил молодого Данилина предыдущий владелец его роскошного кабинета, Иван Харитонович Подколотный, царство ему небесное.

Данилин привязался к старику, который принимал чувства любимчика с неприятной для коллег благожелательностью. Всячески превозносил таланты, выделял пытливый ум и удивительную работоспособность Данилина на фоне многочисленных подчиненных, таких, как Сергей Архипович Вольный.

Нынешнее место Данилин выбрал по призванию. Он любил дисциплину и власть, предмет его настоящей, тайной страсти, а служба помогала пробираться в высшие круги.

Данилин до сих пор получал часть доходов от одной медицинской компании, оформленной на жену, как и у других чиновников, его связи помогали зарабатывать людям из окружения того самого «кровавого» министра.

Держась в русле политической моды и пользуясь врожденной интуицией, он представал перед окружающими как глубоко верующий человек, а не прихожанин «по обязанности», и стремился войти в круг советников Патриарха. Поэтому он следовал канонам религиозной жизни, помогал деньгами нуждающимся и строил собственный храм в новой Долине Церквей.

Властвовал он теперь из бывшего кабинета Ивана Харитоновича – просторного помещения с кожаным диваном на позолоченных ножках и креслами с высокими спинками. В глубине кабинета блестел массивный полированный, черный стол, в углу висела старинная икона.

Данилин посмотрел на золотые, именные часы – ровно десять утра, – затем привычно перекрестился и нажал кнопку вызова секретаря.

– Позовите ко мне, Дронова!

– Он в приемной, господин Данилин. Ждет, когда освободитесь.

– Пусть заходит.

Данилин поднялся и вышел из-за стола, чтобы встретить посетителя.

В комнату вошел молодой, крепкий, подтянутый мужчина лет тридцати с длинными, светлыми волосами и аккуратной бородкой, одетый в темные длинные одежды, наподобие монашеских. Войдя, молодой человек сразу перекрестился на икону и слегка поклонился Данилину. Затем, мужчины пожали друг другу руки.

Дронов был определен руководством на новое задание после долгих совещаний и выбора кандидатов с опытом работы в чужих, национальных странах. К неудовольствию Данилина, победил воспитанник его коллеги, Сергея Вольного. Кроме прекрасных физических данных, у спортивного на вид парня имелось неплохое образование по химии, но самое главное – это был крайне религиозный, воспитанный в строгих традициях человек.

– Здравствуйте. Присаживайтесь, уважаемый Алексей Михайлович.

Данилин усадил Дронова в кресло, напротив себя. Конечно, оба прекрасно знали, что кабинет прослушивается.

– Прекрасно выглядите, но не загорели!

– Спасибо, я несколько дней провел в монастыре, где молился за моих товарищей, убитых в прошлом месяце на Кавказе.

– Замечательно и богоугодно, рад за вас. Уверен, души наших коллег уже в раю. Они погибли за правое дело в борьбе с мерзкими Гибридами.

Данилин сделал минутную паузу и затем решительно перешел к делу:

– Вам, Алексей Михайлович, решено доверить благородную миссию во имя спасения и процветания нашего великого народа – обнаружить и расшифровать формулы недавно созданного революционного продукта – искусственной нефти. Посмотрите на настенный экран.

Данилин спроецировал на черную, матовую поверхность объемную картинку.

– Мы в красной точке, – он показал световой указкой на Москву. – Наши надежды и цель вашей миссии здесь, – Данилин переместил луч вниз, – в Кейптауне, столице Южной Африки. Есть несколько способов добраться туда – по земле, по воде или по воздуху, и лучшие «мозги» пытались разработать для вас безопасный маршрут, – Данилин провел светящуюся дугу из Европы до южного края африканского материка, и она как будто застыла в воздухе.

– Есть ли другие участники миссии?

– Пока, об этом не могу вам сказать! – Хозяин кабинета оторвал взгляд от карты и внимательно посмотрел на Дронова, и тот сразу уловил оттенок недоверия.

Реакция Алексея, в другом случае короткая и решительная, сейчас не годилась. Дронов сдержал обиду и решил только кивнуть, но вежливую улыбку выдерживать было трудно – с недавнего времени на лице проявлялся тик, который он тщательно скрывал.

Господин Вольный, его непосредственный начальник, предупреждал накануне о возможных провокациях коллеги. Тот хотел поставить на задание своего кандидата и, возможно, только и ждет срыва, чтобы заменить Дронова.

После мучительной встречи с Полиной Алексей провел несколько дней в неустанных молитвах и постах в новопостроенном Высоком монастыре. Именно там, в обители, он и узнал, о грядущей миссии от, специально приехавшего к своему сотруднику Вольного.

– Вашу подготовку проведем по обычной, но ускоренной программе, – продолжил Данилин. – Маршрут непростой, – он опять обратился к карте, – из Москвы отправляетесь на машине один. В районе Торгова остановитесь, сами найдете где, и ждете разрешения двигаться на границу. Пересекаете ее в закрытом кузове автоматического грузовика и попадаете в Балтию. Следующие указания получите от персонального самолета – разведчика. Про операцию знают американцы, к сожалению, – Данилин пожал плечами, подчеркивая сказанное, – и у вас большая вероятность встречи с ними. – Он выразительно провел ребром ладони себе по шее.

– Почему я должен их опасаться? – Дронов не привык публично выражать озабоченность, а тем более, тревогу за свою жизнь и спокойно смотрел на слишком уверенного Данилина. – Они что – то знают?

– Только то, что на юг Африки прибудет группа для выполнения некоей задачи. Теперь перехожу к главному, и вы все поймете, но вначале, коснусь истории.

Пока Алексей не понимал, почему такой высокий чин сам с ним возится? Вольный тоже озадачился, узнав, что вводить исполнителя в курс дела взялся лично Данилин. Объяснение напрашивалось одно – не доверяет своим.

«Интересно, какого уровня человек для него равный? Я, конечно, не в счет», – подумал Дронов почти без обиды.

– Начну издали. Попытки изобретения искусственной нефти начались в Южной Африке еще в прошлом веке при апартеиде, когда белые имели все права, а местные черные – никаких. Сейчас белые и черные живут отдельно, благодаря Великому Разделению, слава Богу, – Данилин перекрестился на иконы, – а в те годы либералы пытались заставить белых отказаться от апартеида, но безрезультатно, и ООН ввела болезненное эмбарго – полный запрет на ввоз товаров и нефти. Санкции неожиданно положительным образом повлияли на развитие. Обратите внимание, перехожу к главному. – Данилин поднял указательный палец. – Особенно бурно изобретали искусственную нефть, и вскоре пошло первое черное золото. Нефть получи-

лась дорогая и невыгодная, производство остановили, а научные изыскания прекратили. Но! – Он опять поднял палец. – После Разделения юг Африки начал заполняться бродягами со всего света, рвущимися в Новый Вавилон! Безбожниками, Гибридами и прочей дрянью, – Данилин был искренен в своем возмущении, – среди которой оказалось много беглых ученых, и разработки возобновили, но страна подписала постановление ООН по Разделению, и через два года началось истребление иностранцев черными.

Солнце за тяжелыми занавесями передвинулось и осветило приемную.

– Россия зависит от продажи газа и нефти, если африканцы смогут выпустить на рынок дешевый продукт, то – катастрофа... Мы ежедневно докладываем наверх про секты, идолопоклонников, бездуховных пророков и скитальцев! Границы держатся из последних сил, того и гляди, опять придется Бомбой отбиваться, Господи прости! – Данилин снова перекрестился и глотнул остывшего чая, ожидая реакции Дронова, но тот пока молчал. – Не понимаю, как примитивным африканцам удалось закончить разработку, но сведения достоверны, а подробности пригодятся вам.

Он победно, сверху вниз посмотрел на Дронова и попросил секретаря принести еще два чая.

– До Разделения созданием искусственной нефти занимался и наш талантливый инженер доктор Априн. Он преподавал промышленную химию в южноафриканском университете и попал в группу разработки. После Разделения доктор, как настоящий патриот, бежал из Африки на родину и пытался возобновить исследования, но никто не заинтересовался ими, и, работы заглохли. В России доктор не прижился, выехал в Англию по поддельным документам, пока национальные двери не захлопнулись, и только сейчас о нем вспомнили.

– Он поедет со мной?

– Пока не решено. Его ищут. Окончательный вариант действий будет меняться. – Данилин начал говорить медленно и вдумчиво, заставляя Дронова принять свой темп. Ему нравилось разжевывать, разъяснять и убеждаться, что собеседнику понятно. – Связь с помощью беспилотного самолета – разведчика. Можете придумать имя верному другу, пока у него только серийный номер.

– Может, «Господин Великий Вольный»?

Дронов решил на маленькую дерзость, зная о непростых отношениях Данилина с коллегой – наставником Алексия. Хозяин кабинета усмехнулся и кивнул, что принимает иронию. На самом деле в голове Алексия возникло другое имя – Полина. А вдруг разведчика собьют? Нет, лучше «Пол».

– Задавайте вопросы, Алексей Михайлович. Понимаю, – их много, смогу – отвечу. Принесите, нам еще чаю, – обратился Данилин к секретарю.

5. Веда. Над океаном

Перелет в Африку нельзя было назвать легким. Небольшой сверхзвуковой самолет с Афанасием, Ведой и другими гостями взлетел с маленького подмосковного аэродрома и взял курс сначала на Балтийское море, а затем, делая большой крюк через океан, на юг Африки.

Лететь над сушей было бы быстрее, но небезопасно, поэтому, трассы прокладывали над нейтральными водами под охраной спутников, тогда самолет могла сбить только ракета с военного корабля. Афанасий накануне прикинул по карте выгодность южного направления, но там опять воевали за приграничные территории, деля свои страны.

В самолете было тесно, что не мешало получать удовольствие от полета. Веда сразу восторженно припала к иллюминатору, а Афанасий решил почитать о Кадингире, городе на берегу океана, построенном вавилонцами. Сеть не работала, и память корпскула выдавала только заранее загруженные «образы». Афанасий еще в Москве нашел старые, многолетней давности – новая информация по «гнезду сатаны» была засекречена, доступ к ней запрещен.

Кадингир возник стихийно в первые два года после Разделения, как последняя перевалочная база для переселяющихся в Антарктиду. Китайские и японские, испанские и арабские кварталы, во всех странах давно разрушенные, построили в нем первые переселенцы, а когда границы закрылись, эту землю выкупил Вавилон. Мигрантам, умудрившимся оказаться здесь, запрещалось находиться в городе больше десяти дней и надлежало продолжить путь в Антарктиду. Но таких с каждым годом становилось все меньше – чтобы попасть на юг Африки, нужно было преодолеть враждебные страны, где грозила неминуемая гибель.

Объемные «образы» переливались, показывая небоскребы необычной формы. Они подпирали яркое синее небо острыми, круглыми или овальными изгибами новомодной архитектуры. Как в Новой России родился свежий стиль после Разделения, так и вавилонцы строили Кадингир сообразно своим мистическим представлениям. От соседей город охраняли высокие бетонные стены с колючей проволокой и широкие рвы, соединенные с океаном. Его облик удивительно отличался от того, что видел Афанасий дома, а верхняя часть представляла единые, словно парящие в воздухе, сады.

«Наверное, именно так выглядели висячие сады первого Вавилона», – подумал он.

Нелегальный наплыв нуворишей, которым скучно было вариться в собственном национальном соку и хотелось похвастаться перед человечеством, вызвал небывалый расцвет Кадингира. Город мог себе позволить проект любой стоимости. Но если в Кадингир свободно пускали иностранцев, то остров Новый Вавилон, напротив, был закрыт, а секретные оборонные технологии сделали его невидимым, скрывая даже точное местонахождение. Ходили слухи, что его обитатели далеко продвинулись, их корабли регулярно взлетают в космос с морских платформ, но за последнее время не было человека, которому удалось бы побывать там и вернуться. В Кадингире обитала небольшая колония еще первых, «старых» вавилонцев – они утверждали, что остров дрейфует, где-то южнее мыса Доброй Надежды.

Свободный доступ людей и капитала сделали город настоящим африканским бриллиантом, на зависть остальным городам и странам. Здесь можно было общаться, и даже влюбляться в людей другой расы, не боясь заточения в тюремную камеру, что произошло бы на родине. Негласно, все государства понимали – такое место должно быть, и так получилось, что стал им – Кадингир.

В Москве про сам Вавилон Афанасий слышал множество легенд. Одни, говорили, например, что жители полностью изменили свой внешний вид. Другие – что остров давно безлюден и им управляют то ли из космоса, то ли из – под земли, а то, что он был спрятан, вызывало естественное желание – проникнуть в его тайны.

Начитавшись полезной и не очень информации, Афанасий незаметно уснул, убаюканный легким гулом. Ему снился костер, разведенный в пустыне, под черным звездным небом, где что-то жарилось на огне, и, чувствовался запах горелого мяса. Афанасий подбросил было хвосту, но обжегся и открыл глаза.

Справа – мирно спала Веда, свернувшись на кресле и смешно свесив ногу. Вскоре в окне отчетливо появилась темная береговая полоска вдали.

– Слева земля! Это – Африка! А где-то справа скрывается Новый Вавилон. – Афанасий растормошил Веду, а самолет начал снижаться.

На посадку они зашли со стороны океана. Мягко приземлившись, самолет вырулил к большому ангару на стоянку, остановился, и турбины затихли – можно было выходить.

Аэродром Кадингера оказался меньше подмосковного, откуда они взлетали. Вавилонцы не хотели нерационально тратить драгоценную землю.

Афанасий привычно перекрестился, закинул за плечи свой рюкзак, а в руку взял сумку Веды.

– Спасибо, гостеприимный самолет. – Афанасий на прощание поклонился в салон, и они спустились по невысокому трапу, разминая ноги и с удовольствием вдыхая незнакомые запахи.

– Вот так зима! Не меньше двадцати градусов тепла, это тебе не московский снег и лед. А воздух – то, какой сухой!

Ангар был полон самолетами разных стран.

– Смотри, – красный с желтым. Красавец! Похоже, личный самолет господина Левицкого – на борту фамилия написана, по – английски. Я слышал, его модель – рекордсмен по скорости и роскоши в салоне.

– Кто этот – Левицкий?

– Бывший наш соотечественник – теперь британский миллионер, – давно обосновался в Лондоне. Я случайно слышал, как его упоминал князь Андрей Романов, когда беседовал с кем – то в спортивном клубе о политике. Кстати, вот и самолет самого князя – царский герб на борту, а тот, с красной полосой, – сына президента.

Пока на аэродроме они не встретили ни души, а к трапу бесшумно подъехал яркий автобус без водителя, и Афанасий с Ведой вместе с другими пассажирами уселись внутри.

– Я мечтаю ... увидеть вавилонцев, а ты?

– Просто не терпится, не могу дождаться встречи с ними!

Афанасий понимал, что девушке больше хочется оказаться на балу у князя и показать свое модное новое платье, подчеркивающее изящную фигурку. Он купил его в одном из московских магазинов за какие-то безумные деньги, взятые у отца. Пусть все видят, что его Веда не просто девушка из провинции, а настоящая столичная красавица.

Автобус тихо подъехал к небольшой кабинке с надписью по – английски: «Контроль».

– Там, за стеклом, вавилонец! – воскликнул Афанасий.

Действительно, внутри сидел чернокожий мужчина в костюме и белоснежной рубашке с галстуком и ждал, пока они подъедут.

– Здравствуйте! – Афанасий поздоровался на английском, когда подошла их очередь.

Чернокожий вежливо наклонил кучерявую голову и приветливо улыбнулся.

Молодые люди первый раз в жизни стояли напротив живого иностранца, к тому же, черного. До этого Афанасий видел подобных ему изредка в сетевых программах новостей, тщательно цензурируемых властями. Народу внушали, что за закрытыми наглухо границами царят войны, эпидемии и хаос, но узнать правду было негде – Сеть связывала исключительно пользователей внутри страны. Только отец иногда откровенничал с ним.

– Мы – в списке приглашенных гостей на праздник у князя Романова. Место называется – «Парк Нга», – Афанасий продолжал с интересом рассматривать африканца.

Тот опять кивнул, явно не собираясь их задерживать или проверять багаж.

– Извините, а автомобиль?

– На выходе из ангара – стоянка, можете взять любой. Оплата картой или наличными, там есть приемник.

Еще в Москве на «черном» рынке Афанасий с трудом купил настоящие сикли – деньги с непонятными символами, которые обращались в Кадингире. В России они считались экзотикой и никому были не нужны. Наверное, кто-то так же тайно посетил Кадингир и привез оттуда иностранную наличность. Неопытный Афанасий не подозревал, что необычная покупка сразу привлекла внимание: «стукачи» – торговцы с рынка сразу сообщили вверх по цепочке.

Наконец он не выдержал и задал чернокожему вопрос, который назойливо крутился в голове:

– Простите, вы – вавилонец?

– Нет, – солидно ответил мужчина. Я приехал и работаю здесь, а жители Нового Вавилона никогда не появляются в Кадингире.

«Интересно, чем он заслужил право работать на вавилонцев?» – подумал Афанасий и спросил:

– А мы сможем их где-нибудь встретить?

– Не могу вам сказать, мистер. – Мужчина пожал плечами – он был немногословен. – Сам, ни разу не встречал. Они, если и посещают материк, то так, чтобы никто не видел.

На небольшой аэродромной автостоянке их ждали самые дорогие модели всех континентов. У человека увлеченного тут могло случиться тихое помешательство. В России давно запретили ввозить иностранные автомобили, а старые, эпохи до Разделения, можно было увидеть лишь в музеях и частных коллекциях.

«Все настоящие патриоты должны пользоваться только товарами, произведенными в родной стране» – этот лозунг, произнесенный после Разделения, навсегда перекрыл дорогу всему заграничному.

Растерявшийся Афанасий до сегодняшнего дня видел подобные машины на нелегальных снимках, в Сети и казалось, они все подмигивают ему. Он заметил, что и другие пассажиры, летевшие с ними, выбирают себе машины, чтобы добраться до места проведения торжества.

– Какую берем?

– Если хочешь, я угадаю, что ты выберешь? Вот, пишу на корпускуле и отдаю в закрытом виде.

– Ты разбираешься в марках заграничных машин, интересно, откуда? Все равно, не отгадаешь, нарочно, другую выберу. – Афанасий внимательно смотрел на Веду, словно стараясь рассмотреть, написанное ею.

– Попробуй! – Девушка смешно передразнила его.

Восхищенный Афанасий снова обратился к рядам переливающихся на солнце красавиц. Задумчиво окинув их взглядом, он решительно направился к красной, приземистой машине с широкими, спортивными колесами.

– Эта, – сказал Афанасий, указав на значок в форме лошади на капоте, и нетерпеливо открыл корпускул.

В смеющихся глазах Веды, он увидел отражение похожего контура лошадки.

Афанасий быстро сориентировался по навигатору, молодые люди выехали с автостоянки, расположенной прямо на берегу океана, и стремительно понеслись в сторону саванны, видневшейся вдалеке. Мощный двигатель спортивного кабриолета охотно откликался на желание Афанасия пофорсить перед спутницей и мгновенно набирал скорость, вжимая пассажиров в глубокие сиденья.

Примерно через час появилась надпись на дорожном указателе: «Парк Нга», а на склоне холма возникли одноэтажные домики цвета глины, утопающие в зарослях.

Чернокожий администратор вышел навстречу новичкам, приветливо улыбаясь, сверился с картой приглашенных и выдал ключи вместе с планом – на большой площади парка насчитывалось несколько десятков отдельных домиков со своей территорией, кухней и бассейном. Напоследок он предупредил, что на шесть утра запланировано сафари.

Ранним утром их встретила, приветственно сигналив, молоденькая негритянка – егеря на открытом джипе, вооруженная тяжелым и длинным не по росту карабином.

Все для них было в новинку: запахи, звуки, дикие животные, подходившие к машине. Грაციозные жирафы, стадо мощных африканских буйволов и, конечно, львы – целое семейство лакомилось свежим мясом антилопы, пойманной львицей. На сафари приехали и остальные гости в таких же джипах.

– Смотри! Там, справа, сын президента с девушкой. Она, похоже, китаянка – Гибрид, вот это новость! Жирафа рассматривают и целуются.

– Ты сюда приехал разглядывать чужих подружек?

– А ты красивее, чем она!

Довольные и полные впечатлений, к полудню они вернулись готовиться к предстоящему вечером торжеству.

6. Филарет. Под Землей

У генерала Назария Вениаминовича Филарета в одном из подмосковных подземных автономных бункеров по защищенной линии проходил важный разговор с Борисом Левицким, бывшим российским миллионером. Вскоре после Разделения тот успешно выдал себя за британца во втором поколении и получил необходимые документы для эмиграции в Великобританию. Обычно он проживал в одном из своих домов в фешенебельном районе Лондона, но сейчас беседовал с Филаретом из Кадингера, где был в числе приглашенных на торжество к молодому князю Романову.

Генерал Филарет прошел суровую школу от простого «топтуна», следившего сначала за иностранцами в собственной стране, а потом и за своими соотечественниками за границей, до человека, возглавлявшего службу проведения тайных операций, подчиняющуюся лично президенту.

– Мы могли бы где-то встретиться, обсудить детали?

– Вы, господин генерал, наверное, забыли, что я давно живу в Британии, и почему-то не доверяете собственной секретной связи? Ведь она надежна, как броня танков. Правда, танки сегодня никому не нужны.

– Можно встретиться на Балтике, на борту вашей яхты, например. Впрочем, хорошо, если вы настаиваете на срочности, то я в ближайшее время получу разрешение от «Головы» на ваше участие в деле Априна по искусственной нефти.

«Головой» Филарет называл действующего президента.

– На решение этого вопроса уже выделены немалые средства – все напуганы последствиями появления искусственного заменителя нефти на мировом рынке. Мы сможем перевести часть суммы на счет, который вы укажете.

– Вам пришлют номер. Только не перепутайте, как в прошлый раз, – перечислите на счет в Английском банке, а не в Шотландии – она закрыта для англичан, уже пять лет и новой границей отделена от Англии! Сколько я должен, оттуда...

– Не надо, не здесь...

– Тогда, укажите по обычному каналу. Теперь – у меня вопрос. Вы обдумали?.. Я говорил с вами в прошлый раз... о том, что если вы становитесь новым «Головой» и...

– Я же просил вас аккуратнее выражать свои мысли!..

– Простите, генерал, но мы нашу позицию должны обсудить. Она важна для меня. Я уже говорил, что хочу вернуться в Россию только победителем. Собранные на сегодняшний день средства помогут быстрее решить вопросы вашего продвижения вверх, если возникнет противодействие. Вы меня понимаете?

– Вполне.

– Вы должны прислать мне расклад, сколько нужно, чтобы убедить депутатов поддержать вас в нужный момент? Не будем скупиться, и если у вас получится статья...

– Господин Левицкий...

– Да, да, простите. Если у вас получится статья «капитаном» вашей сборной, то все вложения вернутся уже через год. Не верите, посмотрите на вашего бессменного капитана – как, он эти годы купался в миллиардах! Если нам удастся достать документы по разработке искусственной нефти, то у меня... простите, у вас, будут непобиваемые козыри для Думы и для губернаторов. «Голова» – собирается и дальше быть капитаном?

– Никаких сомнений... иначе его на костре сожгут или кожу снимут с живого за то, что он творил.

– Так, может, перед самыми выборами... помешать? А вас в преемники? Что думаете, уважаемый Назарий?

– То же, что и вы. Теперь, к делу – в Англию скоро выезжает наш человек, профессионал. Вы поможете ему найти Априна и вместе отправиться дальше, в Кадингир. Доктор обязательно должен поехать, постарайтесь убедить его, если вдруг заупрямится.

– Не беспокойтесь. Его смогут уговорить.

– Только, прошу, без ваших... Априн нужен нам здоровый и разумный – это выход на лабораторию, где он работал, и ошибиться с ним нельзя. Вы обещали, что найдете его?

– Мои люди отыскивали доктора – не волнуйтесь. Он тихо и мирно существует в Лондоне и работает в каком-то мелком бюро. Жду вашего человека, чтобы встретиться, совместно с ним и Априным. Всего хорошего, уважаемый Назарий, берегите себя, вы скоро будете нужны.

Филарет долго обдумывал итоги разговора – хитроумный Левицкий тянет его на президента, это поможет ему вернуться из Англии. Хочет ли сам Борис стать президентом? Интересно, сколько денег этот нувориш собрал и с кого? К поискам Априна, тем не менее, он вовремя подключился – интуиция у Левицкого феноменальная.

Одновременно с тем искусственная нефть – элемент шантажа. Не позволяйте мне стать президентом – секреты уйдут, и где вы будете с природной нефтью? Искусственный заменитель с удовольствием купит Америка или Германия, например. Как воспримут возвращение Левицкого? Да как всегда. Пошумят и забудут, а еще в Сети напишут: «Истинный патриот специально скрывался в Англии, чтобы достать секрет нефти». Что-нибудь придумаем – борзые «писаки» все что угодно накопают, слава Богу.

Он вытер со лба пот. Если кто-то подслушивал – это смертный приговор, впрочем, обратного пути не было – первые деньги от Левицкого на прошлой неделе он уже получил.

7. Бал. Нга

Антикварный телефон на столе в каминном зале требовательно просил ответить. Взял трубку Афанасий.

– Это администратор звонил и вежливо просил нас – не опаздывать. Веда, к тебе тоже относится!

– Я почти готова, а ты – подарок не забудь взять.

В Москве Афанасий купил старинную дорогую икону.

Они слышали шум голосов снаружи и звонкий цокот каблучков по выложенным камнями садовым дорожкам. С улицы доносились звуки музыки духового оркестра.

Внизу, возле бассейна, был поставлен гигантский белый шатер, вокруг которого расположилось несколько шатров поменьше, оформленных в национальном, африканском стиле. Солнце начало заходить.

День рождения отмечался с размахом – Афанасий насчитал около двух сотен гостей. Он радостно потащил Веду в центр нарядной и благоухающей публики, по ходу здороваясь с завсегдатаями сетевых разделов светской хроники. Эти люди чувствовали себя свободно и раскованно, а Веда первый раз оказалась рядом с такими известными персонами.

Среди гостей Афанасий заметил господина Левицкого, который после Разделения неожиданно обнаружил в своей родословной английские корни. Его, лысоватого лондонского господина, сопровождал хмурый, мордатый телохранитель. Возле шатра в обнимку стояли и сын президента с той самой подружкой – китайкой. Прилетели известные писатели, музыканты, несколько представителей иностранных королевских династий, крупные кремлевские чиновники и депутаты Думы. Получить приглашение и попасть сюда могли только избранные, в чьих руках богатства и власть. Афанасий понимал, как ему удивительно повезло оказаться знакомым князя Романова, благодаря занятиям спортом.

Афанасий уже разглядел князя в строгом фраке и прелестную девушку в голубом воздушном платье – его невесту, княжну Елизавету.

Блестяще образованный, богатый молодой аристократ, князь Андрей Николаевич Романов, потомок императоров, считался в России женихом номер один, и многие девушки мечтали познакомиться с благородным носителем царской фамилии.

Его невеста, юная княжна Павлова-Ногинская, тоже происходила из знатной семьи и была единственной дочерью и наследницей богатого владельца химического технопарка, погибшего недавно. В Сети упорно проталкивали слухи о несчастном случае, но Афанасий, под строгим секретом узнал трагическую историю семьи Елизаветы от своего отца. На самом деле, его расстреляли неизвестные недалеко от родового замка.

– Сейчас познакомишься с князем Андреем и его невестой.

Телохранитель преградил им дорогу, но князь, увидев Афанасия, радостно велел пропустить их.

– Афанасий, приветствую тебя, очень рад видеть вас здесь! – добавил он, обратив внимание на Веду.

– Добрый день, князь Андрей. Добрый день, уважаемая Елизавета. Очень рады присутствовать на торжестве и... в таком удивительном месте!

Они поздравили юную княжну с днем рождения, обменялись милыми любезностями, и Афанасий торжественно вручил подарок. Князь Андрей успел только пригласить его на утренний теннис, как к нему уже прорвались новые гости. Молодые люди с удовольствием уступили им место и направились к маленьким столикам с аппетитными блюдами.

После поздравлений, затянувшихся почти на час, с небольшой импровизированной сцены ведущие громко пригласили публику в белый шатер на торжественный ужин и затем

принялись развлекать. Подавали мясо крокодила, акулы и неизвестных Афанасию, даже по названиям африканских экзотических животных – это был гастрономический пир, а известный оперный певец волнительно выводил на сцене классические романсы под незнакомыми созвездиями Южного полушария, ярко проступившими на небе.

Внезапно, Афанасий увидел, что стоит один – Веды рядом не было. Молодой человек высматривал свою спутницу среди веселящихся гостей, но разглядеть девушку не удавалось – мешали сумерки, освещаемые только неяркими цветными прожекторами.

Тогда Афанасий, сохраняя внешнее спокойствие, но с возрастающей тревогой в душе, стал бродить среди дорого одетых мужчин и увешанных драгоценностями женщин. Наконец, в дальнем углу площадки под пальмой, подсвеченной синим, он заметил ее, беззаботно беседующую с низкорослым лысоватым мужчиной. Афанасий, увидев эту неприятную картину, стремительно направился к ним с неясными для себя, но решительными намерениями.

Приблизившись, он узнал собеседника Веды – это был Борис Левицкий. К счастью, девушка вовремя его заметила и сама устремилась на встречу.

– Уважаемый господин Левицкий любезно показал мне дорогу среди пальм, а заодно рассказал про историю создания Кадингира. Хочешь послушать? – Веда снова обернулась к собеседнику. – Разрешите вам представить моего кавалера.

Лысый важно, но, как показалось Афанасию, с ехидцей, кивнул юноше, приветствуя.

– Не хочу. Куда ты пропала после концерта? Уже полчаса тебя ищу... – Он старался говорить тихо.

– Мне надо было... в дамскую комнату. Я думала быстро вернуться, но заблудилась на обратном пути в темноте. – Девушка невинно вздохнула.

– Извините, нас ждут друзья. – Афанасий постарался загладить возникшую неловкость перед Левицким и потащил Веду в сторону. – Сейчас будет салют!

Действительно, завершил прекрасный праздник получасовой салют и зажигательные танцы под звездным небом.

Веселье закончилось далеко за полночь, когда усталые и довольные молодые люди завалялись спать под треск камина, растопленного в домике невидимыми слугами.

Следующий день прошел неожиданно быстро. С утра, пока Веда спала, Афанасий сыграл в теннис с князем Андреем, на удивление бодрым и свежим. Они обменялись впечатлениями – счастливый князь остался доволен вчерашним торжеством.

– Вы можете оставаться, сколько хотите – мои люди оплатили всю следующую неделю, – сказал он Афанасию после матча.

– Спасибо, Андрей Николаевич, с удовольствием, но Веде надо быть завтра в Москве, а сегодня мы хотели осмотреть знаменитый Кадингир.

– Жаль, завтра мы идем в океан на яхте и хотели с Елизаветой пригласить вас, а Кадингир – да, интересный и необычный город, только будьте осторожнее. Я могу дать охрану.

– Что вы, зачем? Мы только посмотрим город и погуляем. Спасибо, Андрей Николаевич, за праздник и дай вам Бог, завтра – попутного ветра!

– Счастливо, Афанасий. До встречи в Москве.

Молодые люди пожали на прощание друг другу руки, и, проголодавшийся Афанасий, побежал к Веде. После позднего завтрака они, полные впечатлений от праздника, выехали в Кадингир, экономический центр мира, который стремительно разрастался все дальше в глубины материка. Еще издалека, молодые люди увидели величественный город на берегу океана, окруженный безбрежной саванной.

«Наверняка, он скоро поглотит дикую природу, и то место, – Нга, где мы вчера праздновали, и бесстыжих воровок – мартышек», – с грустью представил Афанасий.

Приблизившись вплотную к городу, он заметил по периметру несколько высоких заборов с колючей проволокой наверху.

«Наверное, чтобы дикие животные из саванны случайно не забредали на улицы», – подумал Афанасий, с интересом глядя на приближающиеся небоскребы.

Сверху город был накрыт словно живым зеленым ковром, а с земли виднелись сплетения из растений и деревьев, стоящих на крышах. В воздухе слегка пахло рыбой, океаном и какими-то сладкими пряностями.

Они подъехали к закрытому въезду в город, который охранял вооруженный африканец в военной форме – тот открыл автоматические ворота и приветливо показал рукой, что они могут проезжать.

Узкие улицы между высотными зданиями были запружены людьми и машинами, но, несмотря на жаркий полдень, в городе царила удивительная свежесть и прохлада из-за океанского климата и раскинувшейся на крышах зелени. Из автомобиля они с удивлением разглядывали калейдоскоп национальностей: негры, белые, мулаты, китайцы, индусы в чалмах и совершенно непонятные люди в одеждах – балахонах. В витринах бесконечных магазинов манекены представляли модную одежду, в которой Афанасий со спутницей не рискнули бы показаться на улицах Москвы. Небоскребы мощно навалились уже через несколько кварталов, а весь город сиял от многочисленной переливающейся рекламы.

Афанасий еще на рекламном буклете в Нга присмотрел экскурсию на самую высокую башню Кадингира и предложил Веде подняться и увидеть удивительный город сверху.

Просторный скоростной лифт поднял их, вместе еще с десятком таких же любопытных, на крышу небоскреба перед великолепной панорамой – весь верхний ярус состоял из цветущих садов, перекинутых между домами с квадратами бирюзовой воды – бассейнами – на крышах, но внизу на улицах не было темно.

– Они попытались возродить одно из чудес света – висячие сады! Удивительная красота!

С одной стороны виднелся порт и безбрежный океан с белеющими силуэтами кораблей, а с другой простиралась такая же бескрайняя саванна. Многочисленные стаи птиц бороздили безоблачное, африканское небо.

– Смотри... там ... Нга – дорога вьется, откуда мы приехали, а дальше мыс, Доброй Надежды, где океаны – Индийский и Атлантический – встречаются друг с другом. Почти, как мы с тобой?

– Откуда, ты все знаешь?

Веда ласково улыбнулась, и он обнял ее за плечи, защищая от внезапного порыва ветра, разгулявшегося на смотровой площадке.

– Жаль, что уже надо уезжать. Давай, пообещаем, друг другу, что обязательно сюда вернемся и будем пировать, как ... князь Андрей с Елизаветой!

За два дня в знакомом уютном аэропорту ничего не изменилось: тот же чернокожий дежурный невозмутимо встретил их на стоянке, забитой самолетами. Впрочем, для Афанасия все африканцы были на одно лицо.

Обратный перелет прошел спокойно. Они с удовольствием отсыпались и вспоминали, прекрасно проведенные дни. Ранним утром они благополучно приземлились на подмосковном аэродроме. Афанасий думал о том, как постарается приукрасить поездку, рассказывая отцу про Африку. Усталые, но довольные, молодые люди с сожалением распрощались.

8. Аввакум. Москва

Вольный, в напряжении сидя у двери кабинета Аввакума, еще раз мысленно готовился к разговору.

Попасть на прием к авторитетному старцу стоило Вольному пять тысяч рублей – на такие деньги можно было купить небольшую квартиру на окраине Москвы. Он прекрасно понимал: – это только первые, небольшие траты, но нужно было срочно выручать сына, попавшего после поездки в Африку в неприятную историю. В душе Вольный не осуждал Афанасия – своего единственного сына от первого брака. Чувствуя вину перед его матерью за второй счастливый брак и рождение дочери, он старался перенести на сына то, что должно было достаться ей.

Афанасий учился в университете и неплохо успевал, но настоящей его страстью был теннисный спорт – он мог днями зависать на корте. Вольный одобрял занятия сына теннисом, но имел собственные планы на будущее Афанасия, никак не связанные с его сегодняшними, спортивными увлечениями.

– Заходите, пожалуйста! – Секретарь Аввакума в длинных монашеских одеждах почтительно пригласил Вольного пройти, открыл ему высокую дубовую дверь и вежливо поклонился.

Вольный зашел в слабо освещенную приемную, оформленную в новом псевдорусском стиле: с иконами, простой деревянной мебелью и фресками из жизни святых на высоком, сводчатом потолке. Живописную картину довершали зажженные свечи, наполнявшие помещение знакомым, церковным ароматом.

Аввакум в черной простой рясе стоял в углу комнаты лицом к иконам и крестился. Его длинные седые волосы густо рассыпались по широким плечам. Вольный тоже перекрестился и терпеливо ждал, незаметно рассматривая Аввакума.

Наконец тот медленно и степенно повернулся к Вольному и пошел на встречу по мраморному полу. В больших глазах, пристально изучающих посетителя, читались не только воля и упорство, подкрепленные хитростью и коварством, но и готовность действовать силой там, где не помогает слово Божье.

Повидавший немало опасных людей за свою долгую службу, Вольный, тем не менее, тут же согласился с мнением, ходившим по Москве, что этот человек и черта не убоится.

– Мы с вами встречались раньше?

Голос старца Вольный для себя определил, как «благозвучный».

– На приемах у губернатора Московского, Михаила Илларионовича, нового князя Троерукова.

– Конечно, я вспомнил. – Аввакум не отпуская колючим взглядом Вольного. – Вы выступали с интересным, умным докладом по тревожному положению на южной границе и, кажется, что-то просили... не напомним, когда это было? – Аввакум внимательно следил за выражением лица собеседника, но, казалось, не проявлял интереса к разговору, думая о своем.

– В мае, после Пасхи. Весной.

– Сейчас уже ле-е-то, – протяжно произнес Аввакум, – скоро осень московская, а время летит быстрокрыло.

«Ждет, чтобы я первый начал откровенный разговор», – подумал Вольный, наслышанный про необычную манеру беседы Аввакума.

Тот словно прислушивался к мыслям Вольного или к своим интонациям.

– Я тогда просил усиление на трудном, южном участке границы, где...

– Не продолжайте, пожалуйста, – Аввакум устало, взмахнул рукой. – Знаю, Северный Кавказ весь в долгах, согласился принять богатых сектантов – отщепенцев, приговоренных к смерти за фанатизм. Впрочем, извините, времени не так много, господин Вольный. Сегодня у

меня после вас еще встреча с убогими в приюте Святой Анастасии Казанской. Присаживайтесь, пожалуйста, располагайтесь. Я вас выслушаю, со всем вниманием.

Аввакум так резко переменял тему, что Вольный удивленно замолчал, но, тем не менее, следуя приглашению хозяина, уселся на простой деревянный стул с высокой резной спинкой. Он знал, что Аввакум негласно исполняет при Патриархе роль главного иезуита – воинственного старца, призванного бороться с ересью и всем, что мешает Церкви оставаться первой, по своему влиянию, силой в стране после президента.

– Мой сын, Афанасий, попал в неприятную историю. Его девушка... она была вместе с ним на праздновании дня рождения у одного очень известного молодого человека, и она... очевидно, сделала там снимки, которые только чудом не оказались затем в Сети. Эту угрозу успели вовремя предотвратить, так что теперь можно говорить только о подделках, если они, конечно, всплывут. На снимках запечатлено много известных людей, но самое неприятное – сын президента с девушкой, репутация которой не совсем. ... В общем, если снимки попадут в Сеть и их опубликуют, то сейчас, перед выборами ... – Вольный немного нервничал, а еще от свечного запаха начало кружить голову.

– Почему вы так волнуетесь, ведь не попали же? Как зовут молодого человека, у которого был день рождения, и почему вы решили, что я смогу вам помочь, а, главное, в чем? И уверены ли вы, что именно эта девушка сделала злосчастные снимки сына президента?

На самом деле Аввакуму уже в подробностях доложили о случившейся, после праздника в Африке истории. Если избиратели узнают, что сын президента проводит время в запрещенном для посещений Кадингире, да еще с Гибридом – девицей – китайкой непонятной репутации, – последствия будут непредсказуемы.

– День рождения был не у хозяина, князя Андрея Романова – младшего, а у его невесты, но это неважно. Празднование проходило в Южной Африке, в построенном в африканской саванне центре развлечений. – Вольный говорил, и слова «саванна», «Африка» звучали здесь, в Москве, как будто они из совершенно другого мира.

Аввакум почувствовал, что собеседнику нравится, произносить почти запретные слова в кабинете, хозяин которого, как он сам считал, был призван Господом и Церковью бороться с ересью и сатанинскими происками иноверцев.

Откинувшись на высокую спинку, иезуит внимательно разглядывал Вольного, понимая, что президентский сынок сам подставил себя и оказался в щекотливой ситуации, поскольку стремился к чужим странам и порочным по духу развлечениям. И, мало того, втягивает лучших представителей золотой молодежи, которые в будущем могли бы вместе с ним встать во главе страны. И это – наследник нынешней власти?!

Вольный тяжело смотрел на Аввакума, но не позволял себе такого же недоброго, выжигающего взгляда, как у хозяина кабинета.

Аввакум смог оценить покорность, – ведь гордыня – грех. Выражение его лица немного смягчилось.

– Кадингир, как вассал вавилонцев, является в наши дни рассадником греха – он должен понести кару и быть разрушен. Это – мерзкое место, где собираются все отбросы своих народов, чтобы плести заговоры против правительств, набивать карманы золотом, разрушать религии и подчинять всех власти Нового Вавилона, а те, кто слаб духом, стремятся попасть туда и вкусить запретные плоды! Но что вы от меня хотите, господин Вольный? Разве ваш сын, как-то был наказан? Хотя, даже попытка выезда из страны строго запрещена и карается, в лучшем случае, длительным тюремным заключением. Правда, девушка для него потеряна навсегда, но это, скорее, моральная сторона дела, и молодость все вылечит.

– Девушка – странно исчезла... В любом случае, его отношения с ней закончены, но проблема совершенно в другом: мой сын негласно отлучен от общества, в котором привык

бывать. Друзья, узнав о происшествии, отвернулись от него. Это отразится на его будущей карьере, и я, как отец, не могу не волноваться.

– Что же, как отцу, скажу вам – похвально. Вопрос щепетильный, но я мог бы, возможно, подумать. А с этой девушкой, как быть? – Аввакум задумался на минуту. – Думаю, что вы знаете, где она, и надо, чтобы она действительно исчезла! – Иезуит предупреждающе поднял руку на попытку Вольного возразить. Ее не было – это была выдумка, видение! У вас ведь есть, такие возможности? – Он пристально смотрел на Вольного, ожидая реакции на свои слова. – А как от нее избавиться, решайте сами. Можете выслать ее обратно в Африку, если ей по нраву жить в пустоши.

– А что делать с теми, кому настоятельно рекомендовали отвернуться от моего сына?

– Откуда у вас такая уверенность?

– У меня тоже товарищи есть. – Вольный не собирался раскрывать собственные источники Аввакуму.

– Вы совершенно зря мне не доверяете, но Бог с вами, дело ваше.

– Я прошу, чтобы кто-нибудь уговорил молодого князя Андрея принять сына обратно...

– Надо ли это вашему замечательному, заблудившемуся чаду? И как он сам объяснит случившееся князю Андрею?

– Мне не важно, что надо сыну, на его собственный взгляд, – Вольный было занервничал, но вовремя остановился и пожал плечам, подчеркивая, что желания Афанасия для него – пройденный этап их отношений. – Можно ведь сказать, что моего сына оговаривают, например?

Аввакум задумчиво отвернулся от взволнованного собеседника.

– Хорошо, я выполню вашу просьбу и поговорю с Патриархом, но я хотел бы взаимной услуги, – он неторопливо написал несколько слов на своем корпускуле и развернул экран перед лицом Вольного.

«Мне нужен на месяц контроль над пограничной заставой № 344. Туда зайдут мои люди и через месяц уйдут» – взглянув, прочитал про себя Вольный.

Аввакум свернул экран обратно, пристально глядя на собеседника, который мгновенно понял, что после того, как могущественный церковник доверил ему свою тайну, – не было другого выхода, только соглашаться, иначе сварят в кипятке живьем – публичные казни становились одним из средств отвлечения народа и возврата к истинным корням, как говорил сам Аввакум. Вольный подозревал и раньше, что Аввакум метит высоко, но теперь понял, что и не догадывался, насколько именно. Принимать решение надо было сейчас же.

– Понимаю – у меня, после того, что вы попросили, нет пути... кроме, как согласиться.

– Поверьте, мне это нужно на благое, святое, богоугодное, если хотите, дело. Можете не переживать – это будет нашим маленьким взаимным обязательством. С вами свяжется мой человек, а по вашему вопросу – я завтра же все улажу. Негоже ссориться людям, тем более молодым и веселым, по таким пустякам, как девичьи забавушки. И еще, последнее, позовите ко мне своего отпрыска, я возьму его с собой на поучительную и интересную встречу. Не волнуйтесь. – Церковник заметил, что его слова вызвали беспокойство у Вольного. – Верну его вам в целостности и целомудрии.

Сказав это, Аввакум стремительно поднялся с места, подошел к горящим свечам и с силой задул их, показывая собеседнику, что аудиенция закончена.

9. Алексей. Дорога. Свыше Пророцы

Сегодня Дронов получил сигнал от Данилина, что его миссия начинается – он может выезжать на границу. Помолвившись последний раз в храме и пообедав в старом монастырском подворье, Алексей не стал терять время и, запив скромную трапезу терпким квасом, покинул гостеприимный монастырь.

Дорога предстояла долгая. Окрестности вокруг трассы скрывались за высокими деревьями и аккуратным проволочным забором, поставленным, от животных, кое-где виднелись заброшенные деревни с покосившимися, полуразрушенными домами и заколоченными окнами, составляя странный контраст с полосами высокоскоростной магистрали.

Так, передвигаясь от города к городу на запад, Дронов к вечеру въехал в Осков.

Это был крайне интересный приграничный город и настоящая золотая жила для авантюристов. Взлет тихого и провинциального Оскова произошел сразу после Великого Разделения, когда он превратился в перевалочную базу переселенцев в Европу и тех, кто ехал в обратном направлении. Население города внезапно резко увеличилось на сотни тысяч человек за счет эмигрантов и мошенников, привлеченных шальными деньгами. Множество подпольных мастерских штамповали поддельные выездные бумаги для любой национальности. В городе открывались консульства для выдачи виз. Всеобщее безумие дополнила проституция и бандитизм, полиция уже не справлялась с грабежами и убийствами.

С тех пор, как последние переселенцы покинули город, прошло много лет. Границу закрыли, и Осков почти вернулся в состояние провинциального покоя, в котором веками пребывал до Разделения. Остались только опустевшие кварталы из построенных, второпях, домов, готовых, и сейчас приютить путника, как в былые развеселые времена. Но теперь это были просто памятники людям и их надеждам на лучшую жизнь, в ожидании благоприятных времен, которые уже не наступят.

Остановив машину, Алексей зашел в первый попавшийся дом и запросил нужные координаты пешего маршрута через мрачные, безжизненные строения. Дронов пробирался, сбивая ноги на развалинах и битом кирпиче, пока не вышел к нужному месту. Он поднялся по обветшавшей узкой лестнице на верхний этаж и выбрался на ржавую крышу, вспугнув стаю голубей.

Отсюда открывался мрачный вид на вечерний город с редкими огнями, а за границами города была тьма. Корпускул пискнул, и возле другого выхода на крышу Дронов заметил движение. Темный силуэт – человек ждал его, прячась за бетонной надстройкой.

– Севастьян, – представился незнакомец, и вряд ли, это было его настоящее имя. Под летней тонкой курткой проглядывал пистолет.

– Алексей, – Дронов осторожно протянул руку для приветствия.

Не теряя времени, Севастьян перешел к делу.

– Когда мы расстанемся, вы по указаниям навигатора поедете на приграничную стоянку автоматических грузовиков. – Он протянул Дронову черный кубик. – Они там отстаиваются и ждут команды на пересечение границы. Найдете машину с номером, указанным на навигаторе, откроете задние двери – они не заперты и залезете внутрь. Примерно через пятнадцать минут вы выедете, и еще через полчаса будете на границе, а когда машина остановится надолго после таможни, вы выйдете на небольшой стоянке. Это все, чем я могу вам помочь, а остальное – не мое дело. – Контрабандист, а Дронов не сомневался, что для прикрытия операции выбрали именно такого исполнителя, нервно закурил сигарету.

– Еще одно... тот человек, который меня нанимал, он просил вас взять с собой девушку... Собеседник с интересом смотрел на Алексея, блестя в темноте глазами.

Дронов, не понимая, нахмурился и переспросил Севастьяна:

– Какую еще девушку? Она что, из ваших? Живой товар?

– Нет, такой товар – не мой профиль, я другим занимаюсь, на той стороне этого добра с избытком, сами увидите – были бы деньги. Она – ваша девушка, а больше, никакого разговора не было. Если берете ее, то берите. Если сомневаетесь – оставляйте, но только никого не запрашивайте. – Севастьян пожал плечами и добавил: – Иначе, как я понял, ей несдобровать.

Дронов задумался – он был озадачен. Операция еще не началась, а уже неожиданности – вроде этой странной просьбы. Его сюда отправляли Данилин и Вольный, значит, просьба исходит от одного из них, если, контрабандист не врет. Интересно, что он переправляет через границу и почему так взволнован? В конце концов, можно допросить ее и по дороге. Если это просьба Вольного, то надо выполнить ее, а если Данилина, то попробовать узнать от самой девушки, что тот затеял, как и в случае, если она связана с Севастьяном, или, как там его на самом деле?

– Вы решили? – спросил контрабандист, с плохо скрываемым нетерпением.

– Хорошо, я возьму ее и перевезу через границу, если так просили, а дальше... посмотрим.

Севастьян снова пожал плечами, показывая, что «дальше» – его не касается.

– Подберете ее, когда зажжется красная точка на навигаторе, приблизительно минут через десять после выезда из города. Действуем?

Контрабандист был или хотел казаться, человеком конкретным, показывая, что не желает терять время на ненужные разговоры.

– Приятно было с вами познакомиться, Севастьян. Надеюсь, еще увидимся. Чем-то вы озабочены, надеюсь, не из-за меня?

– Всегда рад помочь хорошим людям, а насчет настроения – друг у меня пропал. За границу пошел, как всегда, обычная торговля, – Севастьян указал в темноту, – и исчез. Скорее всего, его уже нет в живых.

Он сосредоточенно смотрел туда, словно хотел разглядеть пропавшего товарища.

Пожав друг другу руки, они распрощались. Дронов тем же путем вернулся в машину, выехал из города и с помощью навигатора Севастьяна отправился на последнюю стоянку перед границей.

10. Вольный. Москва

Вольный любил веселые народные праздники и гуляния. Раздосадованный последними событиями с Афанасием, он решил дать себе отдых и все обдумать. С трудом протискиваясь на площади перед храмом, он занял место в нарядной толпе. Вокруг площади расставили вооруженных пашками военных на лошадях в красных попонах.

Высокий рост позволял ему хорошо видеть Патриарха, стоявшего на высоком подиуме, украшенном церковными хоругвями. Его речь сегодня была посвящена открытию очередного ново – построенного храма.

В первых рядах сидели инвалиды на колясках в сопровождении медсестер в белых платьях с красными крестами. За ними располагались убогие – все надеялись на дары от Патриарха и президента. Молодые девушки в цветных кокошниках раздавали пряники всем желающим.

Неожиданно, Вольный обратил внимание на полуголого бродягу с клюкой, в грязном рубище и с цепями на руках и ногах, который пытался протиснуться ближе к Патриарху, но его не пускали.

– Что с нами будет?! – кричал он сквозь плотные заслоны из молчаливых монахов. – Что будет с нами, вы подумали, ироды?! Бог поставит вам сильного Царя на престоле с настоящей верой! Низринут неверные! Будет он с чистой душой и сильной волей! Страна воскреснет! Я вижу вашу гибель, блудливое племя антихриста!

Вольный узнал в жалком нищем блаженного Мефодия, известного в Москве юродивого, трагическую биографию и подвиги которого он знал из секретного досье, недоступного простым смертным.

Будучи еще молодым студентом, после армейской службы в десантных войсках тот пробрался и уничтожил ночью в одиночку горное село с Гибридами, не успевшими после Разделения вовремя покинуть пределы страны, и тронулся рассудком. Поэтому, власти, особенно его не трогали – не знали, кем считать, и что думает о нем народ – то ли он герой – мститель, то ли убийца – и блаженный разгуливал спокойно по городам и губерниям с причитаниями и проклятиями.

– Пророчеств Великих Старцев начитался, убогий, а смысла их не понимает, – услышал Вольный возмущенное ворчание пожилого интеллигентного мужчины рядом, одетого в костюм без галстука. Его рубашка была плотно застегнута на все пуговицы под самое горло.

Убогий брыкался и плевался вокруг, и два здоровых казака оттащили его на край толпы, где стали пинать ногами, а затем небрежно бросили на землю. На плече, под разорванной рубашкой, мелькнула татуировка десантного воинского братства.

После празднования и молебна у храма Вольный встречался возле небольшого, но популярного ресторана с друзьями: бывшим кадровым военным Светозаром Коломейцевым из окружения губернатора Северо-Запада князя Воскресенского и московским сетевым художником Капитоном Трифановым. Два дня назад их пригласил Светозар для важного разговора.

Вольный искренне радовался, они не виделись полгода, и будет что рассказать. Он изда- лека заметил старых товарищей, спешащих к ресторану одновременно с ним. Заведение называлось просто и по – народному – «Селедочка».

Внутри их встречал широкоплечий, мордатый швейцар с длинной бородой, в золотой livрее, брюках с лампасами и красной фуражке с кокардой.

– Мое почтение, Светозар Светозарович! Князя Воскресенского давно дожидаемся! – его густой бас соответствовал солидности заведения.

– Здравствуй, Феофан. Заедет князь на следующей неделе, не беспокойся, – Светозар шутливо протянул ему руку, ладонью вниз, и швейцар двумя руками с легким поклоном пожал ее, а затем почтительно поприветствовал всю компанию, поочередно принимая плащи.

Внутри было шумно, дымно и весело: на маленькой сцене девушка с длинными русыми волосами сидела за роялем и пела нежным голосом.

Вольный любил места, где можно по – настоящему расслабиться и отдохнуть. Компания уселась за широким деревянным столом недалеко от сцены. Отсюда было хорошо видно и лицо певицы, и остальную публику, уже слегка выпившую и покрасневшуюся.

В углу зала висел большой экран, где без звука шла прямая передача о празднике.

– Замечательно поет. – Вольный наклонился к Трифанову, кивая на девушку на сцене.

– Это Полина, князь Воскресенский специально заезжает сюда ее послушать, когда бывает в Москве.

Светозар подозвал усатого официанта в белой чистой рубашке навыпуск, подпоясанной синим кушаком.

Тот быстро принес большой запотевший графин с водкой и блюдо разной закуски. Вольный и Коломийцев громко поздравили Трифанова с рождением второго ребенка. Графин быстро опустел, и услужливый официант незаметно принес новый.

– Я пригласил вас сюда, – торжественно начал Светозар, когда они остались одни, – господин Вольный и господин Трифанов, не случайно, – он слегка приглушил свой громкий голос. – Прочитайте для начала, эту бумагу. – И он дал каждому по листочку с коротким текстом.

Вольный про себя вздохнул и начал читать, хотя, на самом деле, ему хотелось еще выпить и закусить маленьким, соленным огурцом, а затем отдыхать и веселиться, как окружающие. В последнее время он устал от атмосферы всеобщей угнетенности, мании преследования и страха, что рядом начнется стрельба или прогремит взрыв. В ресторане все казалось по – другому, чем на улицах города.

На листе было обращение идолопоклонников к тем, кто не разделяет их веры, что может начаться новая жизнь:

«... Мы не призываем вас поверить нам, но оглянитесь и подумайте, – почему страна не может выбраться из бедности, пьянства и нищеты? Власти, как и раньше, ее грабят и насилуют. Только до Разделения они связывали несчастья с черными, мигрантами, инородцами, а теперь, когда страны разошлись по национальным квартирам, им некого обвинять, кроме самих себя. По нашему разумению, только возвращение к истокам веры, к истинным богам и ценностям сможет вернуть народу смелость и надежду.

За нами стоит мощная сила – вера, истинная вера наших предков.

Принимайте новую веру, приходите на молитву – жертвоприношение.

Мы приглашаем вас в субботу, 24 июля, в 19–00 в замок князя Воскресенского».

Светозар по лицам пытался понять, пока Вольный и Трифанов читали послание, что они думают. Наконец они закончили чтение и одновременно подняли головы.

– Как тебе смысл? – первый вопрос Светозар адресовал Трифанову, более старшему и опытному.

– Не знаю, Светозар. Про твоего князя я думаю, что «на безлюдье и Фома дворянин». Слышал и про идолопоклонников, но для себя ничего не решил, да и не было нужды.

– А ты, «вольнодумец»?

Вольный тоже не знал, что ответить Светозару, и поэтому просто спросил:

– Ты сейчас с Воскресенским?

– Уже несколько лет. – Светозар, слегка кивнул.

– Может, расскажешь подробнее? Только предлагаю для начала поднять бокалы и... посмотрите вокруг... всем давно весело!

Компания дружно выпила, и Светозар продолжил:

– Воскресенский принял пост губернатора от своей матери Алевтины после ее трагической смерти несколько лет назад. Говорили, он сам нанял убийц, чтобы ее прикончить, но разбирательство завершилось заключением, что это был несчастный случай. Властолюбивая и талантливая женщина создала на Северо-Западе мощную, вооруженную и богатую самостоятельную губернию. С ней считалась даже Москва. Князь, в отличие от своей матери, больше, чем политикой, увлекается театром – он содержит целый штат придворных сочинителей, артистов и музыкантов. Сам пишет стихи и играет на сцене. Его ближайший советник, известный вам Фома Благозвучный, попал недавно под влияние идолопоклонников, втянул князя, и теперь под их знаменами Воскресенский собирается бороться на ближайших выборах за президентский пост. По слухам, князь еще тайно ведет переписку с представителями Нового Вавилона.

– Что от него хотят идолопоклонники?

– Они считают себя борцами за истинную, древнюю веру наших предков. Проповедуют, что христианство навязали народу тысячу лет назад, и это привело к неимоверным страданиям на протяжении веков. Необходимо вернуться к древним богам – только это позволит всем зажить счастливо.

Светозара прервал неожиданный яркий свет, музыка сразу прекратилась. В проходах между столиками появились вооруженные автоматами люди в черной форме с красными лампасами и папахами на головах. Бородатый с длинными усами человек в звании капитана, очевидно, командир, легко взошел на сцену и поднял правую руку, призывая к спокойствию шумную и нетрезвую публику.

Вольный по форме узнал ребят из Национального патруля. Он ходил в таком патруле после Разделения и знал, что они ловят всех, кто не проходит по Национальному Генетическому Протоколу.

– Прошу понять нас правильно, господа, и, надеюсь, что здесь все патриоты?! – Капитан обвел зал глазами человека, привыкшего приказывать. Зал ответил на вопрос невнятным гулом.

– Мы только проверим документы, и можете отдыхать дальше. – В голосе военного затаилась усталость.

Зал снова ответил гулом, на этот раз возмущенным.

– Капитан, ты кто такой, чтобы, здесь приказывать?..

От столика у сцены к капитану, покачиваясь, поднялся, нелепо размахивая руками, изрядно выпивший человек, сразу получил быстрый и резкий удар и мгновенно отлетел обратно. Его товарищи подхватили пьяного бунтаря под руки и усадили. Нос возмутителя спокойствия был разбит, все лицо и бороду заливала кровь, и он откинул голову назад, широко разбросав ноги в дорогих туфлях.

В ресторане больше никто не возмущался, а капитан, казалось, даже не заметил инцидента и никак его не прокомментировал.

К соседнему от Вольного столику подошли трое патрульных и о чем-то начали спрашивать посетителей. Военные сосредоточились на одном – молодом человеке лет тридцати, а старший патрульный, увидев парня, приказал тому следовать за ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.